

К 50-летию окончания второй мировой войны

Тегеран-Ялта-Потсдам: вопрос о вступлении СССР в войну против Японии

© 1995

В.Зимонин

Вопрос о вступлении СССР в войну против Японии возник еще до начала войны на Тихом океане. С первых лет японо-китайской войны 1937-1945 гг. попытки вовлечь Советский Союз в нее неоднократно поднимались со стороны китайского правительства¹. Однако, если до нападения Германии на СССР Москва выступала за организацию коллективного отпора японской агрессии, то после 22 июня 1941 г. из-за опасения оказаться в ситуации войны на два фронта она считала такой шаг неприемлемым.

После нападения японцев на Пёрл-Харбор и возникновения тихоокеанской войны активную заинтересованность в вовлечении СССР в войну против Японии стали проявлять США и Великобритания. Так, уже на первой встрече (8 декабря 1941 г.) с только что прибывшим в Вашингтон новым советским послом М.М.Литвиновым государственный секретарь США К.Хэлл поднял вопрос о предоставлении Соединенным Штатам баз на советском тихоокеанском побережье.

11 декабря 1941 г. Литвинов сообщил президенту США мнение советского правительства, что в период, когда Советский Союз ведет тяжелые бои против гитлеровской Германии, предпринимать такой шаг было бы рискованно, так как Япония может атаковать СССР².

В декабря 1941 г. У.Черчилль в памятной записке британским начальникам штабов писал: "Всех привлекает проблема создания авиабаз в Китае или в России, с которых можно было бы совершать налеты на японские города. Весьма желательно поэтому, чтобы Россия вступила в войну против Японии"³.

Зимонин Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе.

Журнальный вариант раздела рукописи книги "Последний очаг второй мировой войны: СССР в войне против Японии".

В августе 1942 г. эта тема была вновь поднята специальным представителем президента США А.Гарриманом в беседе со Сталиным, который заявил, что Япония исторически является русским противником, и ее поражение имеет существенное значение для Советского Союза. Хотя существующие обстоятельства не благоприятствуют советскому участию в войне на Дальнем Востоке, СССР в свое время несомненно вступит в нее⁴.

Попытки оказать давление на Москву по этому вопросу предпринимались и в дальнейшем, особенно после ряда сокрушительных поражений фашистских войск в 1942 и 1943 годах.

В августе 1943 г. после Курской битвы американские начальники штабов пришли к заключению, что "имея Россию в качестве союзника на Дальнем Востоке, эту войну можно завершить в более короткий срок и с меньшими потерями в людях и средствах, чем без участия России"⁵.

Поэтому "одной из главных целей" американской делегации на конференции руководителей СССР, США и Великобритании в Тегеране (28 ноября - 1 декабря 1943 г.) было получение принципиального согласия Советского Союза выступить против Японии.

Идя навстречу пожеланиям союзников, Stalin в Тегеране дал такое согласие, но только после разгрома Германии⁶.

Следует отметить, что позиция СССР в отношении войны против Японии встречала понимание среди высших руководителей союзников. Так, Ф.Рузвельт признавал, что поражение Германии "является наилучшим и наиболее верным путем обеспечения поражения Японии"⁷. Черчилль тоже не считал возможным в то время "особенно сильно нажимать на русских в этом вопросе"⁸.

С середины 1944 г. вопрос о вступлении СССР в войну против Японии получил дальнейшее развитие. Когда А.Гарриман информировал И.В.Сталина об итогах встречи руководителей США и Англии в Квебеке (11-16 сентября), советский руководитель обратил внимание послы на то, что тот не упомянул об участии Советского Союза в войне против Японии. В этой связи Stalin спросил Гарримана, считает ли президент США существенным, чтобы СССР присоединился к войне против Японии. Он выразил удивление, что после заверений, данных им Ф.Рузвельту в Тегеране, союзники при военном планировании не принимают во внимание советское участие. Stalin добавил, что в позиции Советского Союза по этому вопросу нет изменений, но если США и Великобритания предпочитают поставить Японию на колени без советского участия, то он готов с этим согласиться⁹. Получив соответствующие заверения в конце сентября 1944 г. Stalin дал поручение Генеральному штабу подготовить расчеты по сосредоточению и материальному обеспечению войск на Дальнем Востоке. "Скоро, видимо, потребуется", - заключил разговор Верховный Главнокомандующий¹⁰.

Во время пребывания британского премьер-министра в советской столице в середине октября 1944 г. Stalin затронул тему вступления СССР в войну с Японией в разговоре с А.Гарриманом, А.Иденом, другими дипломатами и военными. Глава советского правительства заявил, что через три месяца после поражения Германии СССР выступит против Японии при условии, если США окажут ему помощь в создании необходимых материальных запасов и если будут прояснены политические аспекты участия СССР в войне на Дальнем Востоке¹¹. Тогда же он согласился приступить к совместному с США планированию действий против Японии и представил список советских заявок на американские поставки. Эти заявки легли в основу программы под кодовым наименованием "Майлпост", которая предусматривала создание с помощью США запасов в Сибири для их использования в войне против Японии¹².

14 декабря 1944 г. на очередной встрече Сталина с Гарриманом последний поставил перед советским руководителем политические вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку, о чём шла речь на их встрече в октябре.

Как отмечает американский посол, "он (Сталин. - В.З.) сказал, что положение России на востоке должно быть в целом восстановлено так, как оно существовало до русско-японской войны 1905 г. Южная часть Сахалина должна быть возвращена русским, так же как Курильские острова, для того чтобы защитить советское побережье со стороны Тихого океана. Русские желали вновь арендовать порты Дайрен и Порт-Артур и получить в аренду железную дорогу в Маньчжурии, построенную русскими по контракту с Китаем, особенно КВЖД, которая была прямой линией от Транссибирской магистрали до Владивостока, и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, обеспечивающую связь с Дайреном. Stalin указал, что Советский Союз не намеревается посягать на суверенитет Китая над Маньчжурией. В добавление он запросил признания *status quo* Внешней Монголии... Я немедленно направил президенту Рузельту предложения Сталина, - писал Гарриман, - и они стали основой для дискуссии в Ялте"¹³.

Как свидетельствует американский историк Л. Роуз, Рузельт, узнав "об азиатских требованиях Сталина", был поражен их скромностью, так как они касались лишь восстановления территориальных прав, отобранных у России Японией во время войны 1904-1905 гг."¹⁴.

Ко времени начала работы Ялтинской конференции, которая открылась 4 февраля 1945 г., высшие военные и политические лидеры США и Великобритании были единодушны в необходимости вовлечения СССР в войну против Японии. Об этом писал в своих мемуарах госсекретарь США Э. Стеттиниус, хотя он и отметил нежелательность для союзников роста авторитета и популярности СССР в Азии¹⁵. Начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл в то время считал, что вступление Советского Союза в тихоокеанскую войну может оказаться решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать¹⁶.

По настоянию У. Черчилля на пути в Крым американская и английская делегации встретились на Мальте для выработки своей общей стратегии на переговорах со Сталиным.

Британскую делегацию вопросы войны на Тихом океане волновали гораздо меньше, чем американскую. "Дальний Восток не играл никакой роли в наших официальных переговорах в Ялте", - писал Черчилль в своих мемуарах¹⁷. Кроме того английский премьер острее, чем президент США Ф. Рузельт, чувствовал рост авторитета и влияния Советского Союза в мире и очень опасался его дальнейшего усиления, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако он понимал трудности США в тихоокеанской войне и необходимость подключения к ней России.

С другой стороны, Советскому Союзу в период ожесточенных боев в феврале 1945 г. и накануне кровопролитной схватки с нацистским зверем в его логове, было непросто (гораздо сложнее, чем это было в Тегеране) решиться на то, чтобы дать окончательное согласие на вступление в войну против Японии. Stalin понимал, что кроме чисто технических проблем переброски огромного количества личного состава, военной техники и средств снабжения войск на театр военных действий на Дальнем Востоке перед ним стояла проблема морально-политического и психологического обеспечения готовности страдавшего от тягот четырех лет жестокой войны народа поддержать вступление в новую войну. Было очевидно, что эта война ляжет на плечи советского народа и дополнительным экономическим бременем.

Вступая в войну против Японии, Советский Союз, наряду с выполнением союзнического долга, исходил и из своих жизненных интересов. Пока на Дальнем Востоке продолжал существовать очаг агрессии, СССР не мог считать свою безопасность полностью обеспеченной.

С учетом полувековой истории, начиная с захвата Японией в 1905 г. российских территорий и последующих агрессивных актов Японии на Дальнем Востоке в 20-е годы, острых конфликтов в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол в конце 30-х, Советский Союз, Сталин имели основания рассматривать милитаристскую Японию как враждебное государство. Советскому руководству были известны агрессивные планы японской военщины на случай тяжелых поражений СССР в войне с Германией, включавшие "продвижение" до Урала¹⁸.

* Заключенный 13 апреля 1941 г. советско-японский пакт о нейтралитете, который, по признанию министра иностранных дел Японии тех лет Ё. Мацуока, был нужен лишь для прикрытия военных приготовлений против СССР, постоянно нарушался. За четыре года со времени его подписания части и подразделения Квантунской группировки войск 779 раз нарушили сухопутную границу, а самолеты военно-воздушных сил Японии 433 раза вторгались в воздушное пространство СССР. Японские военные корабли около 180 раз останавливали (нередко с применением оружия) и досматривали советские торговые и рыболовные суда, уводили некоторые из них в свои порты, а по крайней мере 8 - потопили. Общие убытки советского судоходства в 1941-1944 гг. в результате провокационных действий японских ВМС составили в ценах тех лет 637 млн рублей.

Япония в течение всей войны продолжала оказывать политическую и экономическую помощь гитлеровской Германии в войне против Советского Союза, поставляла ей разведывательную информацию, снабжала стратегическим сырьем¹⁹.

Советский Союз на протяжении всей войны против гитлеровской Германии был вынужден держать на Дальнем Востоке крупную группировку войск, составлявшую в общей сложности в разные периоды войны от 15 до 30% боевых сил и средств советских Вооруженных Сил²⁰. Очевидно, что отвлечением столь значительной части советских войск Япония оказывала весьма существенную помощь гитлеровской Германии.

Непосредственный вклад в разгром японского милитаризма советское руководство рассматривало и как гарантию полноправного участия Советского Союза в послевоенном урегулировании на Дальнем Востоке, как важное средство укрепления здесь своего влияния и поддержки идеологически и политически близких ему сил в странах Восточной Азии.

В Ялте вопросы Дальнего Востока обсуждались Сталиным и Рузвельтом 8 февраля. Сталин подтвердил согласие СССР вступить в войну против Японии, но просил президента уточнить политические условия советского участия. Рузвельт, заранее с ними ознакомленный, высказывался, в частности, за передачу Советскому Союзу южной части Сахалина и Курильских островов. Президент сослался также на переговоры в Тегеране, где он предложил дать СССР возможность использовать Даурен (Далянь)²¹.

Окончательный текст соглашения по Дальнему Востоку, в котором по настоянию Сталина фиксировались условия участия СССР в войне на Дальнем Востоке, был согласован 10 февраля Сталиным, Молотовым, Рузвельтом и Гарриманом. В ответ на согласие России вступить в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии США обязались поддержать требования, выдвинутые советской стороной. 10 февраля в ходе беседы со Сталиным Черчиль также заявил, что будет "приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане"²². 11 февраля главами правительств СССР,

США и Великобритании было подписано в связи с этим специальное Соглашение, которое оставалось строго конфиденциальным до 5 июля, когда Черчилль решил проинформировать о предстоявшем вступлении Советского Союза в войну премьер-министров британских доминионов.

Вот текст этого Соглашения (третья редакция)²³:

"Руководители Трех Великих Держав - Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании - согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения *status quo* Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о.Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу.

с) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И.В.Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы правительства Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

И.Сталин
Ф.Рузвельт
С.Черчилль

Уинстон

1945 г., 11 февраля"

Ялтинское соглашение от 11 февраля 1945 г. отвечало интересам безопасности СССР, целям его союзников - сокращению сроков войны, быстрой ликвидации очага милитаризма на Дальнем Востоке.

Поэтому Советский Союз последовательно шел к реализации принятых на себя в Крыму обязательств. 5 апреля 1945 г. он денонсировал Пакт о нейтралитете, что, кстати, предусматривалось его 3-ей статьей. В заявлении советского правительства по этому поводу указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США - с другой. Советским Союзом было заявлено: "С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками

Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным...”²⁴

Денонсировав за четыре месяца до согласованного с союзниками срока вступления в войну Пакт о нейтралитете, советское правительство фактически недвусмысленно предупредило японское руководство о возможности участия СССР в военных действиях против Японии. И это в Токио хорошо понимали. В середине апреля сотрудники военного аппарата японского посольства в Москве в своих разведдонесениях сообщали в центр: “Ежедневно по Транссибирской магистрали проходят от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется около двух месяцев”²⁵. Нельзя исключать, что японская разведка имела сведения и о договоренности союзников по поводу возвращения СССР после войны Южного Сахалина и Курильских островов. Но и без этого в Токио знали, что СССР будет требовать возвращения ранее принадлежавших России дальневосточных земель. Ведь именно такая позиция СССР определила решение заключить в 1941 г. пакт не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривавший разрешение территориальных споров. Это косвенно подтверждается попытками японского правительства накануне встречи в Потсдаме обеспечить неучастие СССР в войне в обмен на “добровольную” уступку ему этих и других территорий. Советский Союз не пошел на эту сделку, противоречившую договоренностям с союзниками.

В то время подавляющее большинство видных политических и военных деятелей высоко оценивали решения, принятые руководителями трех великих держав в Крыму. “Ялта стала, - заявил Стеттиниус в начале апреля 1945 г., - высшей академией дипломатии и продемонстрировала нам лучшие образцы разумных компромиссов по самым трудным проблемам”²⁶. Некоторые сомнения по поводу необходимости продолжения союзнических отношений с СССР высказал 23 апреля лишь Г.Трумэн после вступления в президентство вместо умершего 12 апреля Ф.Рузельта. Однако военным руководителям США удалось убедить нового президента в том, что сотрудничество с Советским Союзом необходимо сохранить по крайней мере до капитуляции Токио²⁷.

Министерство обороны США было полностью уверено в правильности решения, принятого в Крыму. 21 мая 1945 г. военный министр Г.Стимсон писал исполнявшему обязанности госсекретаря США Дж.Грю: “Вступление России (в войну против Японии. - В.З.), будет иметь далеко идущий военный эффект, который, почти определенно, приведет к сокращению сроков войны и тем самым спасет американские жизни”²⁸.

За 2-3 месяца до вступления Советского Союза в войну среди высших представителей американского политического и военного руководства стала все настойчивее обсуждаться идея применения против Японии атомного оружия, работы над созданием которого к лету 1945 г. подошли к завершению. Однако, во-первых, об этом проекте и о возможностях атомного оружия практически до последнего времени ничего не знали из-за его высшей степени секретности разработчики планов ведения войны в ОКНШ, которые в связи с этим были не в состоянии произвести более или менее точную оценку возможностей нового оружия и влияния его на ход и исход вооруженной борьбы с Японией. Достаточно сказать, что, когда в июне 1945 г. на заседании ОКНШ, проходившем в Белом доме стал впервые обсуждаться вопрос о применении атомной бомбы, это “вызвало шоковое состояние даже среди такой группы избранных лиц”²⁹.

Во-вторых, среди многих влиятельных военных, крупнейшим из которых был председатель ОКНШ адмирал У.Леги, господствовало мнение, что атомный проект не более чем результат большого воображения горстки ученых. “Это

самая большая глупость, которую мы когда-либо совершили, - заявил Леги Г.Трумэну после того, как один из разработчиков атомной бомбы В.Буш доложил новому президенту принципы ее действия. - Бомба никогда не срабатывает, и я заявляю это как эксперт по взрывным устройствам³⁰. Во время заседания в Белом доме 18 июня 1945 г., свидетельствует помощник военного министра США Д.Макклой, ни один из начальников штабов, несмотря на аргументы ученых, не верил, что "штука сработает"³¹.

В Вашингтоне осуществлялась попытка разработать еще один вариант решения, который, как рассчитывали в госдепартаменте и министерстве обороны, мог снять проблемы, связанные и с ценой вторжения на японские острова, и с политическим эффектом вступления в войну Советского Союза, и с возможными негативными последствиями применения атомного оружия. Суть этого варианта, изложенного в меморандуме Г.Стимсона президенту от 2 июля 1945 г., заключалась в том, чтобы предъявить Японии такие условия капитуляции, на принятие которых могло бы пойти японское руководство. В меморандуме предлагалось отойти от требования "безоговорочной капитуляции" и согласиться с сохранением в Японии монархической системы на основе существующей династии³². Тем самым игнорировались принятые ранее союзниками решения о неотвратимости наказания всех главных виновников развязывания второй мировой войны, к которым относился и японский император.

Выдвижение условий такой капитуляции должно было быть осуществлено, согласно меморандуму, до фактического вторжения, прежде чем разгром доведет японцев до "фанатического отчаяния" и, если Советский Союз уже успеет вступить в войну, до того, как русское наступление разовьется слишком далеко³³.

С такими настроениями высшее американское руководство прибыло для участия в работе Берлинской (Потсдамской) конференции, которая проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г.

Перед открытием первого пленарного заседания 17 июля состоялась встреча Сталина с Трумэном, на которой последний сказал, что "США ожидают помощи от Советского Союза" в войне против Японии. На это Stalin заявил, что СССР сдержит свое слово и будет готов вступить в действие в середине августа³⁴.

Как известно, 16 июля американцы успешно провели испытания атомной бомбы. Это позволило некоторым исследователям утверждать, что официальный Вашингтон не видел более необходимости участия в войне советского союзника. Однако факты это опровергают. Так, на следующий день после встречи со Сталиным Трумэн направил письмо из Берлина, в котором говорилось: "Я получил без напряжения то, ради чего сюда прибыл. Stalin вступит в войну... Теперь можно сказать, что мы закончим войну на год раньше, и я думаю о тех парнях, которые не будут убиты"³⁵.

На переговорах военных руководителей в Потсдаме были подробно обсуждены практические вопросы, связанные с участием СССР в войне на Дальнем Востоке. На заседании начальников штабов трех держав генерал армии А.И.Антонов сообщил, что советские войска концентрируются на Дальнем Востоке, что СССР вступит в войну против Японии в середине августа, и Советская Армия будет воевать против 50 японских и маньчжурских дивизий³⁶.

В ходе подготовки к боевым действиям большое внимание уделялось планированию совместных военных действий и координации при проведении союзниками операций как на суше, так и, особенно, на море. В соответствии с решениями Ялтинской конференции определялись и уточнялись зоны как совместных, так и раздельных действий союзных вооруженных сил.

Желая вступления СССР в войну и не представляя себе возможности быстрого ее окончания без него, руководители США, также как и их британские союзники, тем не менее не могли смириться с мыслью о том, что это даст Советскому Союзу определенные политические дивиденды. В то же время они полагали, что без вступления СССР в войну предлагавшееся в меморандуме Стимсона "последнее предупреждение" Японии не возымеет действия. Собственно, так и произошло, когда, не согласовав предварительно текста с Советским Союзом и не заручившись его подписью, союзники решили в ходе работы конференции огласить 26 июля 1945 г. от имени США, Великобритании и Китая Потсдамскую декларацию, содержащую требование к Японии принять безоговорочную капитуляцию.

Ни в меморандуме от 2 июля, ни в Потсдамской декларации ни слова не говорилось об атомной бомбе, хотя высказывались предложения заявить о ней в берлинском документе³⁷. Однако отказ союзников пойти в Потсдаме на изменение формулы японской капитуляции (в конце-концов Г.Трумэн не поддержал в те июльские дни предложений, в том числе У.Черчилля³⁸, о смягчении условий прекращения Японией войны, так же, как отверг из-за боязни утратить эффект внезапности и идею приугнуть Японию атомной бомбой) предрекал отрицательную реакцию японского руководства на содержащиеся в декларации требования. А это неизбежно ставило вопрос о вступлении СССР в войну в практическую плоскость. Единственной возможностью в этой ситуации попытаться, если не предотвратить его вступление в войну, сохранив для японцев фактор его угрозы и не поступясь целями достижения безоговорочной капитуляции, то хотя бы ограничить последствия советского вмешательства в ход событий, было применение (в расчете на возможный психологический эффект) атомного оружия.

Американские исследователи справедливо считают, что окончательное решение об атомных бомбардировках Японии Г.Трумэн принял еще за несколько дней до оглашения Потсдамской декларации в результате обсуждения детальной информации о результатах испытания атомной бомбы, поступившей в Потсдам 21 июля. Об этом говорит тот факт, что подготовленный штабом армии США боевой приказ на применение атомных бомб для удара по японским городам при первой же возможности (с учетом погодных условий), начиная с 3 августа, был завизирован президентом, Г.Стимсоном и Дж.Маршаллом 24 июля и 25 июля 1945 г. подписан генералом К.Спаатцем, на которого возлагалась ответственность за претворение в жизнь решения президента³⁹. После 25 июля уже никто, кроме президента США, и ничто, кроме погоды, не могли повлиять на дату вступления мира в атомный век.

Советники Г.Трумэна, как, собственно, и сам президент, считали, что атомная "бомба должна быть использована в качестве мощного сдерживателя на пути советской экспансии в Европе, где красная волна уже успешно поглотила Румынию, Болгарию, Югославию, Чехословакию и Венгрию"⁴⁰. Американские военные специалисты и политики считали, что атомные бомбардировки будут менее эффективны по разрушающей силе, чем намечавшиеся на 1 ноября 1945 г. бомбардировки Японии в период вторжения⁴¹. Однако, как полагал госсекретарь Дж.Бирнс, атомная бомба нужна была скорее для того, чтобы "сделать Россию более управляемой в Европе", чем для того, чтобы нанести поражение Японии⁴².

Отметим также, что американцы не хотели усиления влияния не только русских, но и англичан. Вашингтон был заинтересован в завершении политического устройства в западной части Тихого океана "раньше, чем... союзники будут втянуты в дела здесь и внесут существенный вклад в поражение Японии"⁴³. Именно такие рекомендации были подготовлены президенту ко

времени работы Потсдамской конференции. И они, безусловно, сыграли определенную роль в принятии Г.Трумэном решения ускорить применение атомных бомб, первая из которых была 6 августа сброшена на город Хиросиму. Однако прошел и этот, и второй, и третий день, а ни малейшего намека на готовность к безоговорочной капитуляции из Токио не поступило. В этих условиях Советский Союз и вступил 9 августа в военные действия против Японии, что кардинально изменило ход событий.

В заявлении, сделанном 8 августа японскому послу народным комиссаром иностранных дел СССР В.М.Молотовым по поводу вступления Советского Союза в войну против Японии, говорилось: "Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции"⁴⁴.

Таким образом, война СССР против Японии носила справедливый характер. Это обеспечило поддержку этого решения советскими людьми, понимание необходимости этой акции воинами Красной Армии, поддержку вступления СССР в войну со стороны мирового общественного мнения.

Решение Советского Союза о вступлении в войну на Дальнем Востоке явилось результатом драматического развития международной политической и военно-стратегической обстановки. В условиях продолжавшегося сопротивления Японии оно было единственной возможностью ускорить окончание войны и сберечь миллионы человеческих жизней. В такой оценке роли СССР в войне на Дальнем Востоке великие державы были едины и в период торжества общих усилий по разгрому фашистского блока и милитаристской Японии, и позднее, когда внутри антифашистской коалиции появились первые четкие признаки кризиса.

1. Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии: Сборник документов. - М., 1985. - С. 110.
2. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в 2-х томах - М., 1984. Т. I, 1941-1943. - С. 145.
3. Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии. - С. 19.
4. Deane, J. The Strange Alliance. - N.Y., 1947. - P. 226.
5. Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944 - август 1945 / Пер. с англ. - М., 1958. - С. 204-205.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании (28 ноября - 1 декабря 1943 г.): Сборник документов. - М., 1978. - Т. II. - С. 95.
7. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны (далее - Переписка...). - М., 1976. - Т. 2. - С. 31.
8. Разгром милитаристской Японии и освободительная миссия СССР в Азии. - С. 20.
9. Negotiating with the Russians./Ed. by R. Dennett and J.Johnson. Boston, 1951. - P. 20.
10. Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1975. - С. 352.
11. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers (FRUS): The Conferences at Malta and Yalta, 1945. - P. 368.
12. Jones, R.H. The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. N.Y., 1969. - P. 180.
13. In: Beloff, M. Soviet Policy in the Far East, 1944-1951. - L., 1953. - P. 23-24.
14. Rose, L. After Yalta: America and the Origins of the Cold War. N.Y., 1973. - P. 25.
15. Stettinius, E. Roosevelt and the Russians: The Yalta Conference. - L., 1955. P. 90-91.

16. См.: Савин А.С. Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939-1945 гг. - М., 1979. - С. 191.
17. Churchill, W. The Second World War. In 6 vols. Triumph and Tragedy. - Vol. 6. - N.Y., 1974. P. 295.
18. Центр хранения историко-документальных коллекций (далее: ЦХИДК). Ф. 415/п. Оп. 5. Д. 68. Л. 166-167; Д. 72. Л. 18-20.
19. Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебеньков Ю.М. Победа на Востоке: К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985. - С. 9; Краснознаменный Тихоокеанский флот. М., 1981. - 3-е изд. - С. 135, 136; Локвуд Ч. Топи их всех / Пер. с англ. М., 1960. - С. 95; Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. - С. 485, 550.
20. Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебеньков Ю.М. Победа на Востоке. - С. 21.
21. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Крымская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании 4-11 февраля 1945 г. - М., 1984 (далее: Крымская конференция). - С. 140.
22. Churchill, W. The Second World War. - Vol. 6. - Р. 334.
23. Печатается по: Крымская конференция. - С. 254-255; Тексты в первых двух редакциях см.: ЦАМО. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 233-234.
24. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. - М., 1947. - Т. 3. - С. 166.
25. Дайтоа сэнсо кокан сэнси (Официальная история войны в великой Восточной Азии). В 106 томах. Т. 73. - С. 325.
26. Цит. по: Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: Записки о 1938-1947 гг. - М., 1989. - С. 285.
27. См. об этом: Военно-исторический журнал. 1989. № 10. - С. 20-21.
28. Command Decisions/Ed. with Introductory Essay by K. Greenfield. - Wash., 1987. - Р. 503.
29. Command Decisions. Р. 496.
30. Truman, H. Memoirs. Years of Decisions. - N.Y., 1955. - Vol. 1. - Р. 11.
31. McCloy, J. The Challenge to American Foreign Policy. - Cambridge, 1953. - Р. 43.
32. Command Decisions. - Р. 508.
33. Stimson, H., Bundy, M. On Active Service in Peace and War. - N.Y., 1948. Р. 624.
34. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании (17 июля - 2 августа 1945 г.): Сб. документов. - М., 1980. - С. 43.
35. Цит. по: Бережков В.М. Значение потсдамских решений // США - экономика, политика, идеология. - 1985. - № 7. - С. 60-61.
36. FRUS: The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. - Vol. 2. - Р. 345.
37. Command Decisions. - Р. 508, 513.
38. Churchill, W. The Second World War. - Vol. 6. - Р. 548.
39. Command Decisions. - Р. 514; Truman, H. Memoirs. Vol. 1 - Р. 420.
40. Command Decisions. Р. 509-510.
41. Ibid. - Р. 509.
42. Ibid. - Р. 510.
43. Cline, R. Washington Command Post: The Operations Division, United States Army in World War II. - Wash., 1957. - Р. 345.
44. Правда. - 1945. - 9 августа.